



ЛЖЕДЕМОКРАТИЯ И КРОВЬ

О демократии можно говорить только тогда,
когда можно ставить ее под сомнение.

Вильгельм Швобель

Извращенная демократия — это всегда кровь.

Сомерсет Моэм

Долгие годы мы дружили, да и сейчас продолжаем дружить, с бывшим заведующим отделом корреспондентской сети «Литературной газеты» Владимиром Бонч-Бруевичем (внуком того самого Бонч-Бруевича — управделами правительства Ленина). Володя был непосредственным начальником всех собственных корреспондентов газеты по союзным республикам. Но, как говорится, дружба дружбой, а служба службой. По крайней мере, когда Володя звонил и давал задания, я никогда не спекулировал нашей дружбой. Скорее, именно наши дружеские отношения повышали степень ответственности перед газетой. Хорошо запомнились мне несколько заданий. Два из них были особо значимыми, ибо они выгодно отличали Армению от других союзных республик.

Первое задание касалось службы ГАИ. Выяснилось, что, скажем, в Риге, где очень строго соблюдают правила уличного движения и где сами пешеходы хорошо известны своей дисциплинированностью, дорожно-транспортных происшествий случалось намного больше, чем в Ереване, где, как уже тогда было известно, «живут сплошные дальтоники», для которых в цветовом спектре радуги нет ни красного, ни желтого, ни зеленого цветов». Об этом парадоксе и должны были писать на одной полосе сборки по Армении и Латвии.

Второе задание относилось к тому, что, по официальным данным, опубликованным в документах то ли ООН, то ли ЮНЕСКО, Ереван занимает последнее место по числу убийств среди всех городов-миллионеров мира. Если, скажем, в Тбилиси совершалось около 200 убийств в год, в Баку — 250, в Дакаре — около 500, а Кейптауне — более 700, то в Ереване — 25 (двадцать пять). Список городов с миллионным (или около

того) населением был огромным. Суть задания сводилась к тому, чтобы собкорам выяснить на местах такие вопросы, как причины, поводы, даже способы убийств, вид оружия.

После того, как на одной и той же газетной полосе обнародовали материалы собкоров из разных стран, выяснилось, что чаще всего в них встречались слова «соблазн» и «состояние». Сами же арифметические показатели были «явлением производным», так сказать, следствием, только в моем материале не присутствовал термин «соблазн». А слово «состояние» лишь однажды приводилось в сочетании с «аффектом». Кстати, речь шла о том, что министр внутренних дел Айказ Шагинян рассказал, как доведенная до «состояния аффекта» жена ударила утюгом пьяницу-мужа, который подвернулся ей, в буквальном смысле слова, под горячую руку. Более половины убийств в Ереване квалифицировались как неумышленные. Статистика убийств в других городах СССР была в общей сложности схожей, несмотря на разницу в количественных показателях «хулиганства в состоянии алкогольного опьянения». Но вот за рубежом к «алкоголю» прибавились «наркотики». Но главной причиной считалось наличие у потенциальных убийц огнестрельного оружия, которое при любом патологическом состоянии («алкогольное опьянение» и «наркотический кайф») становится действенным соблазном и искушением для нажатия на курок.

Работал я над тем памятным материалом с чувством гордости за наш Ереван, который олицетворял всю родину, каждого из нас. По крайней мере, чувство гордости переполнило меня, когда вскоре «Литературная газета» дала обзор откликов, в которых авторы писем, пытаясь проводить сравнительный анализ, словно сговорившись, подчеркивали миролюбие армян. Даже на заре Карабахского движения наблюдался своеобразный феномен, когда сотни тысяч армян на многомесячных митингах и манифестациях с нескрываемым уважением и почтением относились друг к другу. Газеты писали даже о том, что после того, как народ расходился, не оставалось ни вытоптанных газонов, ни мусора. Это были мы. И это было совсем недавно.

Злостное преднамеренное убийство армянина от руки армянина мы зафиксировали после того, как обрели независимость. В этом умозаключении нет ни парадокса, ни, тем более, иронии. Мало того, есть своя закономерность. Темы новоявленных вендетт и прочих разборок я касался не раз. И всякий раз невольно вспоминал, как в Израиле старики жаловались

премьер-министру Голде Меир: две тысячи лет ждали независимости, и вдруг каждый день только и знаем, что слышим об убийствах, изнасилованиях, все о тех же вендеттах и разборках. На это мудрая старуха ответила, что она печалится по поводу самого факта преступления, но горда и счастлива, что факты эти не только фиксируются, но преступления раскрываются, преступники наказываются, а это значит — трагедии предупреждаются, значит — государство есть, и оно состоялось. Добавим и то, что она, оградив независимость от нападков, во всех грехах обвиняла демократию — «эту раковую опухоль со зловещими метастазами». Разумеется, легендарный премьер-министр Израиля Голда Меир разделяла точку зрения легендарного премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, который, как никто другой, убедился на практике, что «демократия — худший способ управления страной, однако, увы, человечество до сих пор ничего лучшего не выработало». «Крамольную» мысль эту выразил руководитель страны, в которой процесс первоначального накопления капитала развернулся на протяжении двух веков (XV — XVI в.в.) и еще понадобился целый век (XVII), чтобы обеспечить утверждение капитализма. Лишь через два столетия оформились политические партии — тори и виги, которые в середине XIX века трансформировались соответственно в консервативную и либеральную партии. И по сей день остались во всей шестидесятимиллионной Великобритании всего две политические партии, которые денно и нощно борются за торжество демократических принципов правления страной и воюют против демократии, о которой иронично писал выдающийся английский писатель Гилберт Кит Честертон: «Демократия означает правление необразованных, аристократия — правление плохо образованных».

Многие философы пришли к выводу, что главным минусом демократии является то, что она не терпит равенства, которое всего лишь громко декларируется. Именно при демократическом правлении появляется власть небольшого числа толстосумов, отсюда и термин «олигархия» — власть меньшинства. И именно при начальной стадии демократизации общества, как мы это наблюдаем на всем постсоветском пространстве, появляется олигархия, о которой французский философ Сен-Рене Теландье писал в XIX веке, что она «есть тирания худшая, нежели деспотизм монархий». И он же добавил, что «с зарождением демократии порождается олигархия, которая деформирует власть и создает криминогенную ситуацию».

Издревле известно: любое государство, ставшее на демократические рельсы, должно осознать, что самой большой проблемой демократического общества является сама демократия. Невозможно с ходу, с наскока, с места в карьер безболезненно перейти из одной государственной формации в другую. Лидер польского демократического движения Лех Валенса точно заметил, что человечество накопило опыт перехода от капитализма к социализму, но никто не знает, как перейти от социализма к капитализму. Справедливости ради надо отметить, что сама идея социализма, в основе которой лежит принцип социальной справедливости, идея, разработанная на протяжении веков лучшими умами человечества, вопреки сталинщине, репрессиям, лагерям, культуре посредственности и примитивизма, однопартийной системе и «серым кардиналам», все-таки помогла создать могущественное государство, благодаря которому худо-бедно на планете Земля долгое время сохранялось равновесие, баланс сил. Это уже говорит о том, что рано или поздно человечество вновь вернется к реализации идеи создания общества социальной справедливости, но уже без сталинщины и суловщины.

Валенса, конечно, был прав. Не менее болезненно происходит и переход от социализма к капитализму. Подобно тому, как в 1936 году (5 декабря) была провозглашена победа социализма, в 1991 (10 декабря) уже без всяких там конституций в Беловежье провозгласили... демократию. Объявили капитализм без процессов накопления первичного капитала. И так как в революционную пору, называемую переходным периодом, когда происходит ломка общественного менталитета, в первую очередь разрушается экономика, то поднимает голову криминал. Ведь развал экономики сопровождается распадом государственной системы, государственных институтов, в том числе судопроизводства в армии. А это значит: с одной стороны, преступление остается без наказания, с другой — появляется возможность достать не просто личное оружие, но и целый арсенал для создания вооруженных банд.

Еще до окончательного распада СССР кинорежиссер Станислав Говорухин начал работу над документальным фильмом «Криминальная Россия». В печати довольно часто выходили статьи о Петербурге, который назывался не иначе, как «криминальный». Появились криминальные группировки типа «солнцевской» или «балашихинской». То же самое наблюдалось чуть ли не во всех союзных республиках. Лишь в Армении,

где с 1988 по 1992 год весь народ был собран в единый кулак, не наблюдалось массовых организованных преступлений с тяжкими последствиями, человеческими жертвами (отдельные исключения лишь подтверждают правило). И это можно было как понять, так и объяснить. Народ был объединен под флагом национально-освободительной борьбы.

Уже с лета 1992 года мы стали свидетелями невероятных и необычных для армянского менталитета серий убийств своих соотечественников. Происходило это по типу организованных преступлений, совершаемых в России и других бывших союзных республиках: заказчик, киллер, жертва, подъезд и, как правило, стопроцентная нераскрываемость злодеяния. Отсюда безнаказанность, которая приводила к цепной реакции терроризма.

Существует великое множество философских, а не только правовых, определений преступности, и практически ни одно из них не подходит к нам, точнее, к нашей новейшей истории. Одни утверждают, что бедность является матерью преступлений. Другие — «ничего не уметь и во всем нуждаться — в этом корень почти всех преступлений». Третьи — «чаще всего преступления совершаются от бедности и голода». С подобного рода однозначными формулами можно согласиться лишь когда речь идет о незначительных проступках, о мелком воровстве ради «куска хлеба». Но вот Аристотель считал, что «величайшие преступления совершаются из-за стремления к избытку, а не к предметам первой необходимости». Современные коллеги великого греческого философа дополняют его: «Преступника с деньгами современный мир принимает как честного человека». Или: «Преступление воспринимается как данность при извращенной демократии, от которой все беды современного мира».

Итак, опять возвращаемся к пресловутой демократии или, чтобы не обидеть «истинных демократов», скажем, «к извращенной, деформированной демократии». Кстати, наиболее четкую формулу настоящей демократии вывел не философ, не политолог, а профессиональный военный Дуайт Эйзенхауэр: «Истинный лозунг истинной демократии — не «Пусть это делает правительство», а «Дайте нам это сделать самим».

Сегодня, когда выстрелы и кровь в Армении стали явлением, увы, привычным, нам придется разобраться в сути и смысле этой самой демократии, которой так лукаво спекулирует Запад и которой так спекулятивно оправдывают любые свои действия как те, кто уже добрался до власти, так и те, кто стре-

мится к ней. Весь ужас в том, что даже адвокаты организаторов и исполнителей уголовных преступлений пытаются оправдать своих клиентов неким «робингудизмом», приравнивая его к демократии, к народовластию, которому Вольтер дал определение «деспотизм черни». Спекулянты от демократии с пеной у рта ссылаются на народ, опираются на народ, говорят от имени народа, прекрасно зная, что автократия — это когда лишь один человек имеет свое мнение; аристократия — когда мнение имеют лишь немногие, а вот народовластие, как показывает жизнь, — когда своего мнения не имеет никто. Не случайно Сомерсет Моэм предупреждал, что кровь льется там и тогда, где и когда никто не имеет своего мнения, своей точки зрения. Можно согласиться или не согласиться с автором мемуарно-критического эссе «Точка зрения», но игнорировать мнение выдающегося писателя, сумевшего обобщить огромный опыт, выработанный и накопленный человечеством, нельзя. Тем более, что он профессионально раскрывал тему демократии. «Демократия — пустая выдумка, неосуществимый идеал, которым пропагандист размахивает перед массами, как машут морковкой перед мордой осла. Эти знаменитые девизы девятнадцатого века: свобода, равенство, братство — просто чушь. Свобода? Массы не нуждаются в свободе, а получив ее, не знают, что с ней делать. Их обязанность и их удовольствие — служить. Только таким образом они обретают уверенность в завтрашнем дне, а это и есть их сокровенное желание». Самое удивительное то, что ни один англичанин, ни один сородич великого писателя, не обижался на него за этот образ «морковки перед мордой осла». В этом образе читатели видели «милую иронию», но очень даже всерьез воспринимали мысль об уверенности в завтрашнем дне как о сокровенном желании. Ведь именно разгул преступности убивает в человеке уверенность в завтрашнем дне. Уильям Сомерсет Моэм вовсе не оскорблял народ, когда утверждал: «Люди в своем большинстве беспросветно тупы. Они легковверные, поверхностные, беспомощные. Откуда им получить равные возможности с теми, у кого есть характер, ум, трудолюбие, сила? И именно это естественное неравенство людей вышибает почву из-под ног демократии. Что за дурацкий фарс — править государством, считаясь с миллионами безмозглых?! К чему сводится демократия? К тому, насколько убедительны лозунги, измышленные хитрыми, корыстными политиками. При демократии господствуют слова. Причем у оратора редко бывает голова на плечах. А если он и башкови-

тый, ему не хватает времени все обмозговать. Его силы уходят на то, чтобы умаслить дурачье, от чьих голосов он зависит».

Философ Бертран Рассел, исследуя биографии диктаторов, пришел к выводу, что все они были лишены мудрости. А это значит: всех можно считать дураками. Вот и вывел этот мудрый человек универсальную формулу: «При демократии дураки имеют право голосовать, при диктатуре — править». Как и сотни «коллег по мудрости», Рассел тоже пришел к выводу, что демократия дает волю не только добру, но и злу, не только судьям, но и преступникам. Ибо демократия — это не только процесс, в ходе которого люди свободно выбирают козла отпущения, но и право делать неправильный выбор. Именно из этого умозаключения исходит известная истина о том, что каждый народ достоин своего правителя. Разве не смешно, что, с одной стороны, речь идет о воле, а, стало быть, о праве большинства, с другой — все без исключения равны перед законом. Даже в самом термине демократия (народовластие) есть нечто противостественное, даже самообманное. Жан Жак Руссо писал о термине «демократия»: «Если брать этот термин в точном его значении, то никогда не существовала подлинная демократия, и никогда таковой не будет. Противно естественному порядку вещей, чтобы большее число управляло, а малое — было управляемым».

Разделяя концепцию Жана Жака Руссо, философы XX века пришли к выводу, что демократия — это способ, с помощью которого хорошо организованное меньшинство управляет неорганизованным большинством. И практически без исключения, презрев национальность, расу, религию, историю, географию, это самое «организованное меньшинство» вольно или невольно, заметно или незаметно для себя, рано или поздно, сливается с криминалом, с коррупционерами. И самый этот факт приводит к «избирательной безнаказанности» (Ноэл), которая в свою очередь делает законы сначала беспозлевыми, а затем — смешными. Каждое же безнаказанное преступление — это начало цепной реакции, приводящей к кровопролитию.

Я, конечно, очень хорошо понимаю, насколько опасна сама попытка рассуждать на такую скользкую тему, как демократия, при которой совершается преступлений и творится безобразий более, чем при тоталитаризме или монархии. Великолепный Оскар Уайльд как-то сказал в сердцах: «У современной демократии есть только один опасный враг — добрый монарх». Демократию связывают с прогрессом. И я часто вспоминаю слова

Андрея Вознесенского, который, воспевая прогресс как таковой, в то же самое время однажды сказал как отрезал: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек». Тема опасна, вернее, разговор о ней опасен еще и потому, что невольно даешь повод так называемым антидемократам тосковать по первой стадии коммунизма. И все же разговор о демократии очень даже нужен хотя бы потому, что с ней, не говоря уж об ее извращениях, связаны непоправимые беды. Мы (не только Армения, но и все бывшие советские республики), будучи совершенно не подготовленными, что называется, на халяву, спрессованная, со всем своим восточным, если не сказать азиатским, грузом в одночасье вошли (ворвались) в Европу со всеми ее прелестями и ужасами. Вошли в новый мир Старого света, где народы, натешившись демократией, теперь уже борются против ее опасных последствий. Где народы поняли, что демократия по природе своей есть не что иное, как самоотречение. Поверив в мираж, в несбыточную мечту, народы незаметно для себя расстались с традициями отцов и дедов, с домостроем, с национальными и общечеловеческими ценностями, противопоставив им унижающие достоинство человека самоцельные рационализм, прагматизм, фетишизм. Не случайно англо-американский поэт Томас Элиот, услышав громко прозвучавшее в палате лордов восклицание «Демократия восторжествовала!», бросил в ответ: «И теперь быть личностью стало еще труднее, чем раньше». Так что напрасно мы тешим себя надеждами, что теперь уже, войдя в Европу, каждый почувствует себя личностью. А между тем, все обстоит как раз наоборот, ибо, говоря о личности, мы имеем в виду человека, который, по Гарегину Нжде, способен преодолеть себя, устоять перед соблазнами необузданных страстей и свобод, перед культом европейского лоска. Вошли в Европу, где, спекулируя лозунгами всеобщего равенства и прав человека, по сути, оправдывают насилие, безнравственность, вседозволенность. Чего стоит навязывание всем членам европейского сообщества отмены смертной казни даже маньякам, убивающим детей?!

Так неужели, став членами европейского сообщества, мы должны будем пережить все «изуверства и кошмары Европы» (А.Печчеи), чтобы потом самим, окончательно извратившись, тщетно начать бороться против зла? Откуда вдруг у армян, которые, как никто другой знают цену и меру насилия и кровопролития, такое равнодушие к убийству вообще и к убийству своего соотечественника в частности? Если уж мы объективно

вынуждены были войти в европейский храм, где строго должны соблюдать только «чужой устав», так не логичнее было бы прежде у себя дома подготовиться к таким переменам жизни? Как же можно отказаться от адекватного наказания убийцы-злодея (кстати, предусмотренного Библией), когда в собственном доме наблюдается абсолютный беспредел в вопросе о хранении оружия?! Причем речь идет не о каком-нибудь там пистолете, зарегистрированном в системе внутренних дел, не о табельном оружии, а об автоматах, гранатах, минометах и об «оружии массового поражения». Чем, скажем, автомат Калашникова — не оружие массового поражения, когда, как известно, целясь в толпу, можно уничтожить массу людей? Неужели демократия — это, когда, не имея в стране эффективного закона о службе охраны частных новоиспеченных олигархов, следует закрывать глаза на то, как безусые юнцы с боевыми автоматами в руках суетятся и носятся вокруг своих бесценных «шефов»? Не надо быть специалистом-психологом, чтобы осознать, что всякого рода противоречия, перерастающие в войну, всегда происходят между «конкурирующими организациями» (Остап Бендер). В нашем случае — между теми, кто незаконно обладает целым арсеналом оружия, которое всегда зловеще соблазняет нажать на курок. Что же касается «состояния» как «компонента» этого самого «соблазна», о котором писали авторы «Литературной газеты», то мы хорошо знаем о неизмеримо выросших показателях наркомании и алкоголизма в нашем обществе. Есть данные о том, что Армения занимает одно из первых мест в мире (в советское время — одно из последних) по числу курящих, особенно среди молодежи, в том числе и среди девушек. Известно и то, что у нас курящие сегодня с сигаретным дымом вдыхают не только никотин.

Законы молчат. А парламент занят всем, чем угодно, только не тем, чтобы своим законотворчеством предупредить надвигающуюся беду.

Поистине универсальным оружием против «деформированной демократии и всеобщей испорченности» (Максимилиан Робеспьер) является не столько свобода слова, сколько ее действенность. Остается лишь напомнить, что мировой исторический опыт государственоведения показал: лишь там есть толк от демократии, где закон наказывает за игнорирование критики печати. Мало того, признано, что невозможно вести эффективную борьбу против организованной преступности, когда действенность свободного слова является фикцией. Не-

льзя, с одной стороны, день и ночь говорить о какой-то там демократии, с другой — каждый раз при насильственной смерти соотечественника обвинять кого угодно, только не себя.

Ярый противник демократии Жан Жак Руссо под конец жизни, за пятнадцать лет до низвержения монархии во Франции, пытался рассеять сомнения в своей душе по поводу демократии как оптимальной формы правления. И при великом множестве оговорок он подчеркнул самое, на его взгляд, важное: «Только тогда можно будет говорить о демократии, когда за каждую насильственную смерть гражданина моей страны будем отвечать я, ты, он».

Значит, все-таки возможна эта самая демократия. Надо только каждому из нас, и в первую очередь президенту страны, отвечать за жизнь каждого соотечественника. И отвечать действительно.